

Реформирование системы социальных регуляторов и гиперконтроль как реакция на глобальные риски

Реформы как квазинструмент социального управления

История России во многих научных исследованиях описана как история реформ. Удивительно, как при этом успевали складываться те живые и имманентные системе социальные практики, которые впоследствии накрывала волна авторских реформ. С другой стороны, успешные портфельные реформы во многом закрепляли то, что давно пыталось пробиться через костное тормозящее регулирование.

Реформа (лат. *reformato*) — переустройство с сохранением основ, преобразование, вводимое законодательным путем, изменение формы и содержания объекта. Реформы часто носят вынужденный характер, выступают в качестве способа предотвращения революций, кризисов, открытых конфликтов. В то же время, именно повседневные решения, локальные практики создают долгоиграющие последствия, формируют новое качество в целом лучше, чем продекларированные реформы.

Как и любой управляемый процесс, реформирование включает определенные элементы: замысел нового объекта, целеполагание, отбор ресурсов, выбор средств и методов, планирование в пространстве и времени, учет зависимых и независимых переменных и вероятностного характера процесса, группировку исполнителей, схему принятия решений и т. д.¹

Реформа предполагает как минимум следующий алгоритм:

1. Диагностика и оценка сложившейся ситуации;
2. Выявление сильных и слабых (узких) мест;
3. Цели и задачи, которые ставятся реформаторами;
4. Измеримые результаты как критерий для оценки итогов;
5. Стратегии проведения, инструменты, механизмы;
6. Возможные потери и побочные эффекты;
7. Системные взаимосвязи, риски влияния на смежные области социальной жизни (если бы только социальной...);
8. Наличие у инициаторов реформ соответствующего морального права, социальной базы и достаточной социальной (скорее даже – исторической) позитивной ответственности.

Реформа образования, Вооруженных сил, Академии наук, местного самоуправления, судебной и избирательной систем – это краткий перечень заявленных и насаждаемых реформ в современной России. Данные проекты можно рассматривать и как ответ на риски, и как генераторы рисков.

Риск/безопасность как культурная универсалия и объективация зла (добра)

«Мириться лучше со знакомым злом,
чем бегством к незнакомому стремиться».
У.Шекспир

¹ Кравченко И.И. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001.

Многие нововведения, особенно ограничения и запреты, сегодня объясняются посредством апеллирования к новым вызовам или глобальным рискам. Социальное конструирование воспринимается как гаджет, который пытается синхронизироваться с ускоряющимися изменениями внешней среды. Риски конструируются в качестве социальных фактов², они обеспечивают индульгенцию для любых государственно-управленческих манипуляций. Риски превратились в объективацию мифического зла, причем сегодня у этого зла всегда найдется имя, на котором можно сконцентрировать общественное внимание и в адрес которого можно сфокусировать претензии.

Экономические, политические, личностные сценарии (стратегии) во многом определяются отношением к риску и значимостью потребности в безопасности. Это вопрос аксиологического императива. Кредитные и государственные долги возможны как гипотеза о завтрашнем росте. Стабилизационный фонд Кудрина как модель построен на предполагаемой угрозе падения цен на нефть, авиационная и другая транспортная безопасность «заточены» на ожидаемые теракты. Наше «сегодня» усложнено мобилизационной готовностью к предполагаемому враждебному «завтра». Элиминирование (исключение) рисков – сверхзадача, лейтмотив многих социальных институтов³. **В то же время** ученые признают глобальным трендом увеличение степени свободы индивидов от институциональной структуры общества.

Достижение максимума или предотвращение минимума – выбор каждой из стратегий определяется психологическими предпочтениями лиц, принимающих решения. Одни больше боятся проиграть, другие – не выиграть. Для одних риск – это знак «проезд запрещен», для других – драйв, «движуха», норадреналин. Слабые ищут защиту от рисков в твердой руке, а авторитарном правлении. Сильные пользуются возможностями свободы и отвечают на риски как на вызовы. Если риск рассматривать как неопределенность – это благо для тех, кто приветствует все новое и рассчитывает найти в этом новом свое место. Личностный выбор по шкале риск/безопасность синхронен в ряде случаев выбору подвиг/трусость. Готовность к риску коррелирует с самостоятельностью, иррациональностью, креативностью и инновационностью. В результате - риск сопряжен с развитием.

Нагнетание рисков оправдывает гиперактивность риск-менеджмента. Парламент в России называют «взбесившимся принтером». Политики выбирают в качестве предвыборной платформы реформирование всего, что еще осталось неотреформированным. Контроль, надзор, ревизия, аудит, наращивание отчетности и подотчетности, дактилоскопирование реальности стали предпочтительными профилями управления.

Риски попали в фокус общественного внимания. Если раньше выделяли «группы риска», «зоны риска», то в последние десятилетия ставится вопрос о тотальных рисках⁴. «Бедность иерархична, смог демократичен»⁵. Безопасность/риск можно рассматривать как дополнительные культурные универсалии (по аналогии с индивидуализмом/коллективизмом, универсализмом/партикуляризмом). Свобода, демократия, либерализм предполагают перевод абстрактных чужих, государственных рисков, за которые отвечают первые лица страны в частные, персонифицированные риски, в проблемы каждодневного выбора и принятия автономных решений.

Бремя ответственности за риски переносится с верхних этажей пирамиды на средний уровень. Социальная активность развитых обществ генерирует риски в большей

² Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. № 5.

³ Постановление Правительства РФ от 07.07.2011 N 555 (ред. от 31.01.2012) "О федеральной целевой программе "Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2015 года".

⁴ Зубков В.И. Методологические аспекты социологического анализа риска. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М.: МГУ, 1998.

⁵ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

степени, чем «колыбельные цивилизации». Это плата за развитие, за динамику, за расширение возможностей. Нет рисков – нет прорывных результатов. Общество риска – в позитивном смысле общество неустойчивое, в состоянии перехода, на витке развития. Риск конструктивно заложен в механизм принятия решения в ситуации реального выбора.

В ответ на риски появляются такие феномены как «оборонное сознание» и сообщества риск-солидарности (по терминологии О.Яницкого). С другой стороны, криминальный, административный, политический «беспредел» можно рассматривать как «самозванное право на неограниченный риск»⁶.

Нужна ли нам «онтологическая безопасность» как предпочтительная, значимая социальная ценность? Или это ущербные приоритеты, предпосылки застоя, рецессии? Личности, которых мы подозреваем в склонности к экстремальным видам деятельности, спорта – они полезные новаторы или их нужно корректировать до полного излечения? У В.В. Путина в анкете сотрудника ФСБ была запись «пониженное чувство опасности». Такая черта позволяет принимать решения и двигаться вперед, не отягощая себя бременем учета всех возможных рисков. Бездействие сегодня несет больше рисков, чем высокая социальная активность. Развитие взаимозависимости, коммуникации, глобализация сами по себе генерализуют риски.

«Бегство к незнакомому злу» создает новые возможности. Страх перед рисками – отчасти и страх перед целерациональным поведением, перед выбором, перед будущим как «карт бланш». Такие диффузные (беспричинные) страхи становятся «негативным модусом соотношения, переоценки частного и других планов существования» и в этом качестве — элементом постоянной консервативной блокировки институциональных изменений»⁷. Субъекты, которые активируют изменения (то есть допускают для себя высокий уровень социально-приемлемого риска) – благодаря этому меньше зависят от стрессовых ситуаций, которые навязаны извне. Сопротивление переменам, конструктивным изменениям – это симптом существования с иллюзией безопасности, когда любая динамика воспринимается как угроза.

«Реформаторский зуд» как признание управленческой неудачи

Россия идет по пути масштабного перекаривания социальных институтов. Мы меняем нормы, учреждения, символы, каналы коммуникаций.

К сожалению, при этом выборе, «социальные системы, переживающие глубокую трансформацию, являются деинституционализированными как бы по определению: их прежний институциональный каркас уже сломан, а новый еще не выстроен, ибо это всегда нелегкий и затяжной процесс с негарантированными результатами. В первом приближении общества переходного типа можно было бы охарактеризовать как общества с отключенными или разрушенными формальными регуляторами»⁸. Складывается своеобразная институциональная аномия.

Желательно при этом как минимум учитывать, что любое реформирование, переименование – это стресс, причем языковой, физиологический, социальный. Полиция – это не просто вчерашняя милиция. В США сторонники политкорректности потребовали поменять слова «мама и папа» на категории «родитель 1 и родитель 2». У детей отнимают всю систему смыслов, которая накапливалась и тянулась за устоявшимся словом.

Реформа образования – это нарушение системности, цельности институтов воспитания, профессиональной социализации, традиций передачи опыта от его носителей

⁶ Яницкий О.Н. Социальные реальности и социальные миражи. Социология риска: ключевые идеи / Мир России. 2003. № 1. С.22.

⁷ Гудков А.Д. Страх как рамка понимания происходящего. Власть, общество, личность // Куда идет Россия?.. М.: МВШСЭН, 2000, с. 436—438.

⁸ Капелюшников Р. «Где начало того конца?…» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. № 1. С.141.

к реципиентам. Меняются механизмы отбора, цензы, критерии оценки и самооценки личности. Реформы армии, образования и академической науки приводят к субъективному ощущению ненужности не только отдельного субъекта, но и создают чувство идентичности с ненужной системой.

Пенсионные реформы, реформы страховой медицины являются ответом на демографические дисбалансы и дефицит средств, которые может себе позволить привлечь в свое оперативное управление государство. Но ведь сама система социального обеспечения посредством государственного перераспределения не является аксиомой, ее можно аннулировать. В ряде случаев целесообразно рассмотреть возможность ни столько реформирования, сколько отказа от зареформированных искусственных моделей. Например, таким путем сегодня планируют поступить с системой обязательного страхования.

Один из аргументов любых реформаторов – ссылки на зарубежный опыт. Догоняющие реформы характерны тем, что как у Г.Остера, другие страны уже, ругаясь, возвращаются обратно.

Сегодня многие так называемые риски оказались мифами. В традиционно безводных районах обнаружены запасы воды. В странах, которые десятилетия внешней политики строили на страхе зависимости от нефтедобывающих регионов, нашлись сланцевый газ и сланцевая нефть. Теперь таким странам угрожают лишь локальные землетрясения как побочный эффект добычи нестандартных ресурсов.

Мы знаем замечательные примеры, когда увольнение 18 тысяч лесников привело к превращению природных пожаров в главную социальную заботу. Рукотворный риск, прямое следствие реформы.

В истории России можно увидеть примеры реформирования правоохранительных органов, которые вызывают подозрения о наличии латентной задачи – ослабления их роли, устранение оппонента. В этом смысле бесполезно оценивать успешность реформ – возможно, авторы идеи достойны восхищения. Если цель реформы Академии наук – контроль над недвижимостью – мероприятие обречено на удачу. В России и странах СНГ разрушение системы образования трактуется наблюдателями как мера обеспечения управляемости населения.

Михаил Делягин справедливо обращает внимание на то, что быстро разбогатеть можно только на разрушении, на созидании это сделать сложнее. Реформа может создать аномии, период полураспада, временный хаос, из которого складываются калейдоскопы (в терминах П.Сорокина) удобных для заинтересованных лиц форматов. Элитам первого эшелона реформы помогают укрепить монополию на свое пребывание у вершины социальной пирамиды. Элиты второго эшелона генерируют реформы во многом с целью раздвинуть «портал» для встраивания в следующий этаж лестницы статусов и ресурсных возможностей.

Авария на атомной станции «Фукусима» вызвала волну протестов против АЭС. Жители Болгарии одновременно устаивают взаимоисключающие акции: против атомных станций и против дорогой электроэнергии. В тоже время специалисты признают атомные станции, реакторы морских судов и подводных лодок наиболее эффективным источником энергии. Стратегия поиска простых и популярных решений доминирует во всех заявках на реформы.

Риски реформ и революций

Какие проблемы несут в себе заданные социальные изменения? Они уже исходят из посылки, что авторы знают, как работает социальная система, каково ее взаимодействие с природными, техническими и иными системами. Гипотезы о понимании закономерностей, об отзывчивости объекта управления на определенные воздействия, о возможности удержать ситуацию в процессе и в итоге реформ – это скорее иллюзии.

Приходится признать, что мы недостаточно понимаем природные процессы, экономическую среду, социальные практики. Если к этому добавить динамику – мы с трудом успеваем адаптироваться к тому, что складывалось веками. Откуда же такая самоуверенность, желание приложить ручное управление ко всем сферам жизни?

Местное самоуправление и реформы по инициативе «сверху» - это изначально противоречивое сочетание. Последствия реформы образования слишком отложены во времени и малопредсказуемы, чтобы можно было экспериментировать с разными путями развития данной сферы.

Труды Балтийского института экологии, политики и права: Межвузовский сборник. Выпуск III. Материалы научно-практической конференции 15-16 мая 2013 г. – СПб:Изд-во БИЭПП, 2013. – с.210. Стр. 79-84.